

УДК 159.923

ОБРАЗЫ ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ И БУДУЩЕГО У СОВРЕМЕННЫХ
ПОДРОСТКОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ

Лукина А. К. – канд. филос.наук, доцент,

зав.кафедрой общей и социальной педагогики;

ФГАОУ ВО Сибирский Федеральный университет

660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

e-mail: antonida_lukina@mail.ru моб.8-913-836-5134

Волкова М.А. - ст.преподаватель кафедры общей и социальной
педагогики

ФГАОУ ВО Сибирский Федеральный университет

660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

e-mail: kop-sfu@mail.ru; моб.8-908-011-2920

В статье обсуждаются результаты исследований образов будущего у подростков как важного показателя из взросления и жизненного самоопределения. Показано, что в условиях нестабильного общества старшее поколение не может служить образцом для подражания, и молодые поколения строят образы взрослости, опираясь скорее на изменения в поведении и личностных чертах, чем на новые социальные роли и профессиональную деятельность. В условиях нестабильного общества утрачивается преемственность между прошлым, настоящим и будущим, что затрудняет планирование собственного развития молодыми поколениями. Начало 21 века характеризуется размыванием возрастных границ, утратой многих обязательных ритуалов и взросления и возрастных переходов, что делает будущее все более неопределенным. Важная роль в решении проблемы взросления принадлежит образованию, однако нынешняя образовательная система недостаточно учитывает особенности социальной ситуации подростков из различных страт, что грозит риском маргинализации подростков из «слабых» социальных страт. В статье описаны подходы к

оказанию помощи подросткам в построении ими перспектив собственной жизни.

Ключевые слова. *Жизненная транспектива; подростничество; образ будущего, конфликт поколений; жизненное самоопределение, образ взрослости, социальное окружение.*

Images of adult life and the future in modern adolescents as a reflection of the conflict of generations

AntonidaK. Lukina

Cand. Sci. (Philosophy) docent, Head of the Department of General and social Pedagogy Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia);

antonida_lukina@mail.ru

Maria A. Volkova

Senior Lecturer at the Department of General General and social Pedagogy Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); maryvol75@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of Russian and foreign studies of models of adulthood and their own future in contemporary adolescents. Revealed significant changes in the patterns of adulthood over the past 30 years, their dependence on the micro- and meso-level of the environment (family and educational), shows the priority of personal traits over social roles. It is shown that in an unstable society, the older generation cannot serve as a role model, and younger generations build images of adulthood, relying more on changes in behavior and personal traits than on new social roles and professional activities

Education plays an important role in solving the problem of growing up, but the current educational system does not sufficiently take into account the peculiarities of the social situation of adolescents from different strata, which threatens the risk of marginalization of adolescents from "weak" social strata.

Parental support and formed attachment have a positive effect on growing up. It is necessary to develop and implement special pedagogical technologies that support

the adolescent's growing up and build a positive image of the future. The article describes approaches to helping adolescents build their own life prospects.

Key words. Patterns of adult life and the future, adolescence, concept of the future, conflict of generations, life self-determination, perception of adulthood, environment.

Технологическая революция 21 века привела к столь существенным изменениям в обществе, в отношениях поколений, которые не мог предвидеть ни один фантаст. Изменилась вся организация жизни общества и отдельного человека, изменились ожидания общества от человека и человека – от общества. Простой пример: если раньше поступление в школу было радостным и ожидаемым событием для большинства детей и родителей, то сколько в преддверии нынешнего Первого сентября появилось множество, пусть и юмористических, роликов, о нежелании детей идти в школу.

Большинство социально значимых и обязательных событий в жизни человека, являющихся признаками наступления зрелости (получение паспорта, служба в армии, трудоустройство, вступление в брак) – потеряли свою социальную значимость. Теперь такие биологические факторы, как паспортный возраст, не являются основными в наступлении зрелости – она определяется особенностями культурной и социальной среды человека, деятельностью, в которую он включен.

Современное общество (как и любое другое) представляет своеобразный «слоеный пирог» поколений, связанных между собой: Характер этой связи 150 лет назад писал К.Маркс: «История есть смена поколений, каждое из которых использует материалы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной

деятельности», писал он[6]. Социальный прогресс возможен только потому, что результаты деятельности предыдущих поколений сохраняются и передаются по наследству следующим поколениям.

Но так бывает в периоды относительно медленных технологических изменений. В периоды же технологических или социальных революций, когда условия жизнедеятельности меняются скачкообразно, молодым поколениям, по сути, нечего наследовать. Именно об этом писала М. Мид, когда описывала префугиративный тип общества. И тогда молодым поколениям приходится взрослеть в условиях своеобразного «вакуума преемственности», когда опереться не на что, когда опыт старших поколений оказывается бесполезным в совершенно изменившихся условиях [7].

Нынешние подростки, которым сейчас от 13 до 16 лет - поколение, рожденное в 2004- 2008 -годах – дети родителей 80-х, родились и выросли в гаджето-компьютерную эпоху. Именно это поколение называют «поколением Z», имея в виду особый тип мышления и познания мира – у них серьезные проблемы с критическим мышлением, с межличностной коммуникацией.

Эти дети не знали кризисов и потрясений, как предшествующие поколения, выросли в сравнительно спокойную и благополучную эпоху. И даже разразившаяся пандемия и все, что с ней связано, для большинства пришлось на уже сформированное сознание и устойчивую картину мира, практически не повлияв на неё.

Родители их пережили распад Советского Союза; детство проходило в достаточно тяжелых условиях, когда до растущих поколений никому не было дело. Все воспитание осуществлялось на средства зарубежных инвесторов и в соответствующем идеологическом ключе. У родителей нет образа великой страны, нет личной истории побед и славных свершений, и им в этом смысле нечего передать собственным детям. Родители в большинстве своем – неудачники в глазах детей.

А растущий человек, как писал академик Б.М. Бим-Бад, никогда не отождествляет себя с порабощенным и слабым... Усвоить себе культурную традицию другого человека можно лишь тогда, когда любишь его до глубины души и при этом смотришь на него снизу вверх. И вот – устрашающее количество молодых людей вырастает теперь без такого «образа отца». Настоящий отец слишком часто для такого образа не годится, а уважаемый учитель не может его заменить из-за нынешнего массового производства в школах и университетах[1]. Более того, - учитель перестал быть уважаемым человеком - слишком много негатива «выливается» на современных учителей.

Успешность развития и взросления обусловлена четким представлением о своем будущем, желанием его осуществить, стремлением к нему. Однако в сегодняшнем неустойчивом и неопределенном мире образ будущего становится размытым и непонятным, теряет свою привлекательность. Так, например, о профессиональной деятельности родителей дети часто узнают из их разговорно проблем на работе, что зачастую создает негативное представление о мире взрослых, который наполнен неприятностями, повышенной ответственностью, рутинной и скукой. Мир взрослой жизни все более отгораживается от мира детей, что приводит к негативным явлениям: происходят утрата ценности образования, откладывается принятие важных решений (профессиональное самоопределение, создание семьи); возрастает маргинальность среди молодежи; учащаются депрессивные проявления; наблюдается игровые зависимости среди подростков, их уход в виртуальный мир.

Ученые из разных стран, в частности, Дж. Арнетт (США), Ф. Богнер и К. Конрадти (Германия), Д. Митра (Индия), считают, что у нынешних подростков идея будущего формируется не за счет развития новых социальных ролей, а под влиянием изменений в поведении и характере (принятие ответственности на себя, самостоятельных решений, обретение финансовой

независимости); она не включает представления о профессиональной деятельности [9; 15].

Концепции подростничества базируются на представлениях о том, что возраст 14–16 лет является ключевым для личностного, социального и профессионального самоопределения. Важный компонент и условие личностного самоопределения – способность проектировать свое будущее, строить временную перспективу собственной жизни, которая определяется особенностями жизненной ситуации (актуального жизненного поля) в настоящем. Краткосрочный временной горизонт, отсутствие дальнейшей жизненной перспективы (самой короткой она бывает у младших подростков, так как они живут настоящим) характеризуют «примитивность» поведения. Представления об относительно отдаленном будущем в профессиональной, семейной и других сферах жизни формируются обычно к 14–15 годам. В 14–17 лет уже появляется временная перспектива, но самый большой ее масштаб отмечается в юности (16–18 лет), когда молодой человек активно строит свое будущее, завершает обучение в средней школе, вынужден делать выбор дальнейшего жизненного пути.

Перед подростком стоит задача объединения всего, что он знает о себе, в единое целое: он должен осмыслить настоящее, найти опору в прошлом и спроецировать это в будущее. В ранней юности центральным психологическим новообразованием является становление устойчивого самосознания и стабильного образа «Я», когда у человека возникают вопросы: кто я и зачем пришел в этот мир? Поэтому все явления действительности интересны только как предвестники будущего, в связи с собственным отношением к миру и своим в нем предназначением.

Российский психолог И.А.Буровихина [2] уточняет динамику представлений о будущем подростков от 11 до 15 лет. У более младших (11–13 лет) его событийная насыщенность и субъективная длительность оказываются наиболее выраженными, чем у старших (14–15 лет); в прорисовке «линий жизни»

старшие давали краткие ответы, а младшие говорили о прошлом и будущем более полно и содержательно. Это опровергает представление о том, что по мере взросления увеличивается потребность человека в перспективном планировании.

Наиболее ясным в представлениях подростков оказался такой возрастной этап будущего, как молодость (19—30 лет). Представление о юности и зрелости значительно слабее, менее детализирована и более мифологична. Судя по всему, по мере взросления у детей в подростковом возрасте нарастает тревожность по поводу собственного будущего, возникает своеобразный «мораторий» на его проектирование.

Начало XXI в. характеризуется утратой четких маркеров взросления, ритуалов перехода между возрастами, увеличением продолжительности образования, что задерживает наступление зрелости. Хронологические маркеры (18 лет или 21 год) и переходные события (окончание учебы, вступление в брак, полная занятость и др.) не имеют коннотации достижения статуса взрослого для молодых людей любой этнической принадлежности [9]. Если раньше взросление в России для многих фиксировалось на уровне детских общественных организаций (октябренок–пионер–комсомолец), появлением новых прав и обязанностей, получением паспорта в 16 лет, аттестата зрелости (само название фиксирует взросление)– в 17, то в настоящее время эта этапность утрачена. Армия перестала быть местом инициации для юношей 18–20 лет, потому что в настоящее время через нее проходят менее 30% молодых людей, армейская служба в общественном сознании рассматривается скорее, как неудача, чем как честь и обязанность каждого мужчины. Получается, что инициация возможна только в период получения образования через образовательные ступени: начальная школа (1–4 кл.), основная школа (5–9 кл.), старшая школа (10–11 кл.). Однако для самого школьника при переходе из класса в класс, со ступени на ступень практически ничего не меняется – он также остается учеником, учебный процесс не претерпевает никаких

существенных социально и психологически значимых изменений. Естественные психофизиологические различия практически не учитываются: возрастная дистанция между обучающимися на одной ступени – несколько лет, но к ним предъявляются совершенно одинаковые требования.

Таким образом, у современных детей нет четких маркеров взросления вплоть до окончания школы, а выбор, который приходится делать в это время подростку, зачастую оказывается слишком преждевременным: он плохо представляет то, что приходится выбирать, какие будут последствия. Поэтому распространенными явлениями становятся «мораторий» самоопределения, отложенный выбор, инфантилизация взрослой жизни. Это проявляется в увеличении числа людей, не желающих заводить семью или живущих без регистрации отношений, в повышении среднего возраста вступления в брак и падении рождаемости детей; в распространенности фрилансерства не только среди молодых, но и среди более старших.

Вместе с тем, появление новых технологий приводит к тому, что подростки, не имеющие никакой квалификации, могут зарабатывать значительно больше квалифицированных взрослых (феномен Дани Милохина¹), что совершенно «запутывает» ситуацию взросления.

Американский психолог У.Бронфенбреннер показал, что развитие человека обусловлено взаимодействием четырех основных факторов: его личностных черт, экологической среды, деятельности, в которой он участвует, и времени, в котором происходит его развитие[13]. При этом другие ученые считают, что успешность ребенка зависит не столько от его личностных черт, в частности от интеллекта, сколько от его активности, вовлеченности в соответствующее культурное окружение, а также от его собственной активности и отношения к жизненным обстоятельствам [24].

---

¹Данила Милохин (род. в 2001 г.) – бывший сирота из Оренбурга, трудный подросток, который в 18 лет стал популярным блогером, звездой TikTok, рэп-исполнителем и зарабатывает более 1 млн рублей в месяц.; был приглашен в качестве спикера на Санкт-Петербургский экономический форум 2021 г.

На формирование образа будущего подростков основное влияние оказывают их ближайшее окружение – семья, школа, группы неформального общения. Подросток усваивает образцы поведения взрослых из ближайшего окружения, подсознательно рассчитывает на материальную и нематериальную поддержку семьи, именно ее социальный статус и ожидания родителей значительно влияют на получение образования[19, 25].

Отношения с родителями также воздействуют на построение этого образа, но этот процесс имеет нелинейный характер. Так, в подростковом возрасте происходят становление идентичности, обретение самостоятельности, и этому способствует именно психологическое отделение от родителей. Вместе с тем, для подростка в период его психологической неустойчивости очень важно получать от взрослых поддержку. Это дает им ощущение стабильности, позволяет более объективно и полно воспринимать и обрабатывать информацию, позитивно смотреть на мир. Конфликты же с родителями ведут к более низкому уровню притязаний в зрелости, не способствуют постановке «сильных» жизненных целей[16].

Важный фактор, влияющий на самовосприятие в настоящем и построение образа будущего у подростков – образование. Сегодня школьники учатся интенсивнее и дольше, чем это делали их сверстники в прошлые десятилетия. Кроме того, они испытывают стресс и напряжение от промежуточных и итоговых испытаний, оторванности образования от жизни. Не учитывается изменение их интересов и потребностей в период взросления. Снижены возможности самореализации и переживания успеха, педагогами часто используется устаревшая практика директивного дискурса. В таких условиях подростку не легко строить позитивный Я-образ, научиться понимать себя и опираться на свое мнение при выборе. Кроме того, Л.Брумли, Б.Брумли, С.Джаффри, изучившие ожидания около 15 000 подростков 11–17 лет, установили наличие тревожности, связанной с окончанием школы и необходимостью продолжения образования в колледже [14].

И.Терешкина и М.Шляхто установили, что детям-сиротам характерны амбивалентность, смысловая несогласованность, превалирование потребности в материальном благополучии над стремлением к самореализации; отсутствие временной привязки реализации базовых потребностей (достижения финансовой стабильности, семейного и социального статуса и т.п.); низкая событийная насыщенность; искаженные представления о собственной семье и будущей личной жизни. На неосознаваемом уровне отношение к будущему имеет негативную эмоциональную окраску, ассоциируется с одиночеством, обидой, тоской, беспомощностью и в целом вызывает страх и растерянность[8].

В настоящее время специально организованная работа по поддержке жизненного самоопределения детей практически отсутствует, что приводит к многочисленным проблемам взросления, описанным выше. Как отмечают К.Лоу, М. Юн, Б.Робертс, Дж. Раундс (США), прямая профессиональная ориентация, на которую уповают официальные лица и программы, не соответствует возрастным задачам младшего подростка: он решает общие задачи жизненного самоопределения, а подлинный интерес к профессии начинает формироваться в возрасте 18 –19 лет[20].

А.Бернгрубер (Германия) выделяет гендерные различия, связанные с профессиональными стереотипами. Они достигают пика в раннем подростковом возрасте, а затем, как правило, уменьшаются. Девочки, по мнению исследователя, в 13 лет уже имеют более стабильные устремления и ожидания от взрослой жизни, чем мальчики; проявляют большую привязанность к семье и лучше осведомлены о сложностях совмещения и семейной жизни. Мальчики в этом возрасте имеют весьма расплывчатые представления о взрослой жизни и в большей степени зависят от социальных факторов. В то же время позитивная оценка будущего у мальчиков и девочек существенно меняется с наступлением биологического созревания, поскольку девочки начинают испытывать сильное социальное давление в связи с браком и

рождением детей, что зачастую рассматривается как тормоз для личностного развития[11].

Ученые из Дании Й.Андерсен, Й.Вестергаард, В.Жюсту-Норрегаард, Э.Нор, Т.Уиндинг изучили связи между вовлеченностью в жизнь общества, активностью в свободное время, трудовой занятостью в среднем и позднем подростковом возрасте и уровнем образования и занятостью в раннем взрослом возрасте. Исследование показало, что полноценное участие подростков в жизни общества (прежде всего их занятость неполный рабочий день) имеет положительные связи с более поздним уровнем образования и занятости, в отличие от досуга. Достаточный уровень образования и занятости необходимы молодым людям для развития навыков, обеспечивающих участие в жизни общества и поддержания стабильной связи с рынком труда во взрослой жизни[18].

С другой стороны, Дж.Мортимер и Дж.Стафф (США) показывают, что работа подростков неполный день негативно сказывается на их социальном развитии, поскольку ограничивает участие в более полезной для развития образовательной деятельности. В итоге ранний опыт работы может помешать надлежащей подготовке к взрослой жизни [22]. Близкие результаты получены в исследованиях Б.Нейта, Э.Омея, Д.Верхаеста, С.Баерта (Бельгия), которые считают, что подработки снижают ценность образования и негативно отражаются на образовательных планах подростков [23]

Э.Барнет, Р.Перри и их коллеги из США считают, что образование в целом защищает от девиантного поведения и гарантирует продолжения профессионального образования[10].Еще оптимистичнее о перспективе высказываются К.Мойланен (США) и Ю.-Л.Шень (Тайвань):занятость для молодых людей означает прогресс в продвижении к взрослой жизни, она способствует адаптации к условиям труда. Это обуславливают устойчивость и психологическое благополучие в раннем взрослом возрасте.

Работа внутри школы по сопровождению моделирования подростками образов взросления также может быть эффективной, если она базируется на их интересах. Так, К.Конрадти и Ф.Богнер (Германия) [15]выстроили свою программу развития позитивного отношения к будущему через развитие осведомленности 12-летних подростков о взрослости, эмпатическое управление конфликтами и общение. В процессе обучения дети участвуют в мысленном эксперименте, в ходе которого анализируют последствия различных вариантов своего будущего. В результате реализации программы у них сложилась более высокая оценка взрослой жизни. Если в начале обучения детство воспринималось как легкое и веселое, то после его завершения оно стало менее привлекательным. Напротив, стереотип взрослой жизни как изнурительной, скучной и серьезной разрушился, в образе взрослости появились элементы веселья и расслабленности, а кажущаяся свобода сопровождалась ответственностью.

В России также накоплен значительный опыт помощи подросткам в жизненном самоопределении, которая основана на взаимном доверии, уважении, добровольности; каждый имеет право на ошибку. Эффективны при оказании такой помощи включение школьников в реальную социально значимую деятельность и постоянная рефлексия. Помогают консультативные центры, создаваемые внутри и вне школ, волонтерские отряды (в том числе профориентационной направленности), трудовые (профессиональные) пробы, специальные тренинги.

Мы разработали программу развития временной транспективы подростков[5], которая строится на общепсихологических принципах системности, развития, деятельностного подхода. В ней используются ассоциативные техники, а также обсуждения, деловые игры, проектирование и другие совместные действия участников группы. Общая цель программы – содействие личностному самоопределению через коррекцию временной транспективы– школьникам не озвучивается. При этом ведущий долженчутко

«улавливать» их поведение, чувства, отношения в ситуации «здесь и сейчас»; реализовывать принцип «двуплановости действия», когда действия участников, их эмоции, разговоры, реакции, включаются в более общую систему деятельности как часть и целое.

Также мы рассматривали включение родителей в профориентацию. Школьникам было предложено расспросить их о жизненном и профессиональном выборе, содержании реальной трудовой деятельности. Было выявлено, что она примерно у половины взрослых никак не связана с полученным профобразованием, что существенно снизило уровень тревожности детей по поводу предстоящего профессионального выбора.

Исследования образа взрослой жизни является важной научной задачей, проводятся в разных странах и везде показывают сходные тенденции – озабоченность подростков своим будущим, замедление взросления, изменение представлений о взрослости и нежеланием взрослеть. При этом в этом образе в меньшей степени представлены социальные роли взрослого, большее внимание уделяется личностным чертам и описательным характеристикам; на его формирование существенное влияние оказывает социально-экономический статус семьи, этнокультурные особенности, особенности микросреды и ближайшего окружения подростка, его ежедневная занятость, включение в систему дополнительного образования. В образе собственного будущего значительно меньше места, чем прежде, занимают представления подростков о предполагаемой профессии; чаще обсуждается стиль жизни, быт, досуг, материальное положение. На построение позитивного образа будущего оказывает сильное влияние родительская поддержка, что опровергает теорию разрыва поколений. Важное значение имеет также успешность в учебе и возможность включения детей в продуктивную социально значимую деятельность.

Такие исследования способствуют организации эффективной работы по оказанию помощи подростку в проектировании его будущего, ориентируют на

совместные детско-родительские социально значимые мероприятия, которые готовят к выбору жизненного пути.

Библиографический список .

1. Бим-Бад Б.М. Педагогическая антропология. М., 2019
2. Буровихина И.А. Субъективная картина жизненного пути современных подростков// Вестник МГУ, сер.14 Психология. 2011, №4. <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-kartina-zhiznennogo-puti-sovremennyh-podrostkov>.
3. Воробьева К.И. Временная транспектива как моделирование жизненного пути. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке 2012. №. 2. С. 23–25.
4. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии, 1994. N 3, с. 43-53
5. Лукина А.К. Профориентационная работа с подростками, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Методическое пособие. – Красноярск, 2004. – 54 с.
6. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т.3, с. 44-45
7. Мид М. Культура и мир детства – М., 1988]
8. Терешкина И.В., Шляхто М.С. Образ будущего у воспитанников детских домов//Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей : векторы развития современной психологической науки: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции . – 2017
9. Arnett J.J., Galambos N.L. Culture and Conceptions of Adulthood. New directions for child and adolescent development. 2003. No. 100. P. 91–98. Available at: http://www.jeffreyarnett.com/articles/ARNETT_cultures_and_conceptions.pdf
10. Barnert E.S., Perry R., Shetgiri R., Steers N., Dudovitz R., Heard-Garris N.J., Chung P.J. Adolescent Protective and Risk Factors for Incarceration through

- Early Adulthood. *Journal of child and family studies*. 2021. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/351007509>.
11. Berngruber A. 'Generation boomerang' in Germany? Returning to the parental home in young adulthood. *Journal of youth studies*. 2015. No. 10. P. 1274–1290.
  12. Bailey D., Duncan G.J., Odgers C.L., Yu W. Persistence and Fadeout in the Impacts of Child and Adolescent Interventions. *Journal of research on educational effectiveness*. 2017 No. 1. P. 7–39.
  13. Bronfenbrenner U. Ecology of the family as a context for human-development – research perspectives. *Developmental psychology*. 1986. No. 6. P. 723–742.
  14. Brumley L.D., Jaffee S.R., Brumley B.P. Pathways from Childhood Adversity to Problem Behaviors in Young Adulthood: The Mediating Role of Adolescents' Future Expectations. *Journal of youth and adolescence*. 2017. No. 1. P. 1–14.
  15. Conradt C., Bogner F.X. Conceptual change when growing up: frameset for role models? *International Journal of Adolescence and Youth*. 2020. No. 1. P. 292–304.
  16. Hill P.L., Schultz L.H., Jackson J.J., Andrews J.A. Parent-Child Conflict during Elementary School as a Longitudinal Predictor of Sense of Purpose in Emerging Adulthood. *Journal of youth and adolescence*. 2019. No. 1. P. 145–153.
  17. Hoff K.A., Briley D.A., Wee C.J.M., Rounds J. Normative Changes in Interests From Adolescence to Adulthood: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies. *Psychological bulletin*. 2018. No. 4. P. 426–451.
  18. Just-Noerregaard, V., Andersen, J.H., Nohr, E.A., Vestergaard, J.M., & Winding, T.N. How does engagement in society in adolescence affect educational attainment and employment in early adulthood: A prospective cohort study. *PLOS ONE*. 2021. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0249312>.
  19. Kramer H.J., Wood T.D., Lara K.H., Lagattuta K.H. Children's and adults' beliefs about the stability of traits from infancy to adulthood: Contributions of age and

- executive function. Cognitive development. 2020. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33642677>.
20. Low K.S.D., Yoon M.J., Roberts B.W., Rounds, J. The stability of vocational interests from early adolescence to middle adulthood: A quantitative review of longitudinal studies. Psychological bulletin. 2005. No. 5. Available at: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки..**
21. Mitra D., Arnett J.J. Life Choices of Emerging Adults in India. Emerging adulthood. 2019. No. 3. P. 229–239.
22. Mortimer J.T., & Staff, J. Early work as a source of developmental discontinuity during the transition to adulthood. Development and psychopathology. 2004. No. 4. P. 1047–1070.
23. Neyt B., Omev E., Verhaest D., Baert S. Does student work really affect educational outcomes? A review of the literature. Journal of economic surveys. 2019. No. 3. P. 896–921.
24. Osher D., Cantor P., Berg J., Steyer L., Rose T. Drivers of human development: How relationships and context shape learning and development. Applied Developmental Science. 2020. No. 1. P. 6–36.
25. Winding, T.N., Anderson, J.H.. Socioeconomic differences in school dropout among young adults: the role of social relations. BMC Public health. 2015. No. 15. P. 1054.